

Планета Золотов

Как сложно жить просто

Когда профессора Андрея Андреевича Золотова, вице-президента Российской академии художеств, попросили назвать тех людей из XX столетия, кто определяюще повлиял на его жизнь, он, по его словам, подумал, что «уложится» в несколько имён. Но список перевалил за сто... Среди них — Дмитрий Шостакович, Георгий Свиридов, Генрих Нейгауз, Леонид Леонов, Александр Солженицын... Со многими Золотов был знаком лично. Он рос в коммунальной квартире, помнит, как люди возвращались из лагерей, знает, как спасались творчеством и как в советское время искали Бога. Летом этого года искусствоведу, критику, кинодраматургу Андрею Золотову была вручена Патриаршая награда — орден Преподобного Сергия Радонежского. Именем «ЗОЛОТОВ», по предложению композитора Георгия Свиридова, названа одна из малых планет — в знак признания его личного вклада в искусство. Размышлениями о том, каким видится сегодня XX век, какие события в нем можно было бы назвать ключевыми, чем жили люди в советские годы и так ли мы от тех людей отличаемся, Андрей Андреевич поделился в интервью «Фоме».

Поверх своей боли

— Вы родились в 1937 году. Наверное, отчасти помните атмосферу того времени и последующих лет. Что чувствовали люди, когда вокруг шли аресты и репрессии? Об этом сейчас так много разного пишут и говорят...

— Напрямую или по касательной это затронуло очень многих. И не только в эпоху, развернуто обозначаемую 1937 годом. Арестовывали по ложному доносу и в 1941 году (так арестовали мать моей жены, балерину), и в 1948-м...

Я помню, как мой дядя приехал к нам в Москву, сидел на диване, который стоит сейчас в моей рабочей комнате... Он был всего лишь парикмахером в Туле, потом как-то тихо исчез. Оказалось, его арестовали и посадили. Потом реабилитировали. Он рассказывал страшные вещи... Рассказывал, как ему иголки вгоняли под ногти, когда пытали. Но я запомнил его лицо во время рассказа — оно было таким, знаете... совершенно без возмущения. Он как будто просто излагал факты. Удивительно, но это так.

— Почему, как Вы думаете?

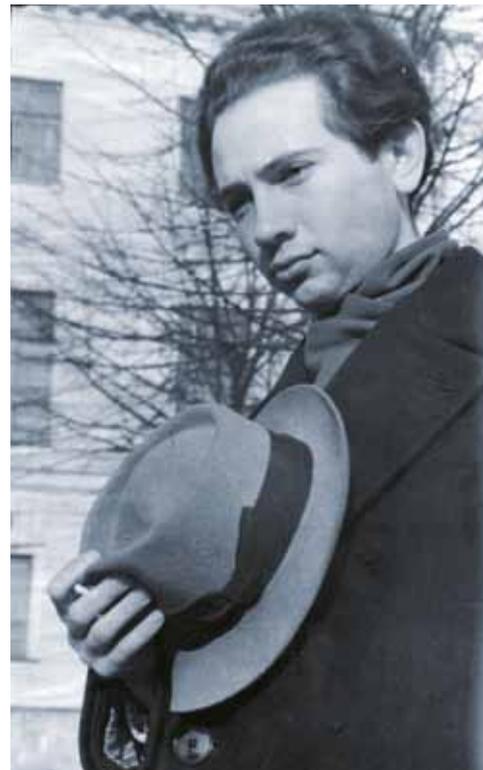
— Думаю, в нем жила сила убежденности в том, что все, что с ним произошло — несправедливость. Ведь ощущение несправедливости может человека надломить, но может и влить силы, потому как, если он выстоял, — он чувствует себя *победителем*. Он чувствует свою моральную несовместимость с теми, кто к нему применял такое. Я знал немало людей, которые прошли через гибельные испытания и гордо их вынесли. Это очень мощные люди.

Лично мне сейчас знаете от чего иногда бывает не по себе? Если заглянете в наш «художественный круг», то без особого труда угадаете вполне даровитых и профессиональных людей, которые намеренно сделали своей, в некотором смысле, специальностью демонстративные говорения и «инсталляционные» воплощения в сущности неведомой им жизни в советский период. Неведомой на глубине пережитого и восчувствованного. И они хорошо на этом заработали. Но ведь есть события и незабываемые переживания, о которых нельзя толковать с отчужденным смакованием. Те, кто действительно пережил испытания, говорят о них... с внутренним достоинством, с тишиной, а не в формате сенсационных восклицаний...

ПРОФЕССОР АНДРЕЙ АНДРЕЕВИЧ ЗОЛотов

Искусствовед, художественный и музыкальный критик, кинодраматург. Вице-президент Российской академии художеств, заместитель министра культуры СССР в последние два года советского периода российской истории, Заслуженный деятель искусств России. Автор множества документальных телевизионных и кинофильмов о деятелях искусства, автор статей по вопросам изобразительного искусства, музыки, литературы, театра, кино, телевидения в научных сборниках, журналах, газетах, Интернете в России и за рубежом.

Вы спрашиваете, какое у меня осталось ощущение от того времени... Знаете, в людях чувствовалось очень большое напряжение. Вместе с тем им была присуща какая-то внутренняя скромность. Не буду обобщать — конечно, встречалось разное. Но тот круг, в котором мне посчастливилось жить и общаться, — там были люди весьма замечательные, с большими заслугами в науке, искусстве, военной службе — их отличала простота по отношению к окружающим и к себе. Теперь скажу — высокая простота.

Андрей
Золотов —
студент
МГУ. Фото
1953 г.

— Но, наверное, не все принимали испытания с достоинством и вспоминали о них без возмущения. И, мне кажется, сложно требовать от человека, который пережил гонения, безусловного приятия всего случившегося...

— Все зависит в конечном счете от человека. Я очень дружил с покойным Георгием Гачевым, блестящим философом и писателем. Его отец Дмитрий Гачев, болгарин, приехал сюда вместе с Георгием Димитровым строить советское государство, новую действительность. Он был эстетик, музыкант, очень образованный человек — личность «революционно-строительного» склада, абсолютно романтическая. Он закончил свою жизнь на Колыме. Его сослали туда, и он там погиб. Но в течение какого-то времени он писал письма своему сыну, который потом собрал их в маленькую книжку и издал. Это поразительные письма! Отец пишет сыну из лагеря, какие ему книги читать, сколько часов в день заниматься, сколько времени посвящать спорту... Фактически он его воспитывал с Колымы. Это удивительно. Жизнь, по его представлениям, должна была идти ровно и по своим высоким правилам. ➤

Для меня это образец отношения к обстоятельствам. Тот же самый принцип я очень ценю и в искусстве. Художник должен увидеть в малом большое, как-то суметь нам это передать. Где-то выйти за границы своих интересов, где-то пренебречь обидой, попытаться понять что-то поверх своей боли... Далеко не всегда это получается. Обобщение — очень тонкая вещь, и оно всегда очень индивидуально. Сейчас многие торопятся с выводами и обобщениями, особенно те, кто никак не пострадал или мало вынес. Но, по-моему, обобщение на уровне болтовни, без внутренней включенности, — это, как сказал один хороший поэт, «мелкая философия на глубоких местах».

Внутри и вне протеста

— **Две трети XX века прошли у Вас на глазах. Вы могли бы сказать, какие события, с Вашей точки зрения, стали ключевыми для этого времени?**

— Трудный вопрос. Конечно, глобальное событие для всех нас — это 1991 год, отречение Горбачева от власти и все то, что произошло впоследствии. А еще я, наверно, выделил бы несколько явлений из мира культуры и искусства... Творчество Шостаковича в своей уже заключительной, вершинной стадии — это было на моих глазах, творчество Свиридова, которого я хорошо знал лично: его «Поэма памяти Сергея Есенина»,

«Патетическая оратория», «Курские песни»... Эти люди выражали какие-то очень мощные процессы, которые происходили в человеческой душе. Мне кажется, художник для того и жив, чтобы чувствовать что-то, что волнует очень многих людей.

В этот же ряд я поставил бы творчество Евгения Мравинского, Святослава Рихтера, художников Нестерова и Корина... В литературе это Леонид Леонов, Чингиз Айтматов, Александр Солженицын... Все они грандиозные люди, и именно их я бы назвал событиями, которые характеризуют эпоху. Через них я смотрю на то время.

А еще в число этих людей я внес бы протоиерея Всеволода Шпиллера. Это был священник, который, скажем так, не в самую простую пору сумел вызвать к себе большое доверие интеллигенции и дать людям ощущение присутствия в их жизни духовного измерения. Он был человеком высокой культуры, выдающимся проповедником. Очень умный человек... В прошлом офицер Белой армии, служил у Врангеля, потом оказался в Болгарии. Нырлял за минами, выполнял опасную работу — и вдруг на него прозрение нашло, он принял сан.

— **Сейчас нередко говорят о том, что советская интеллигенция если и приходила в Церковь, то часто не от внутреннего поиска, а из внутреннего протеста, восставая таким образом против режима. Соответственно, когда режим изменился, и между Церковью и государством отношения изменились, те люди стали из протеста уходить из храмов. Что бы Вы сказали на это?**

— Вообще, я не люблю слово «режим». Лучше сказать «строй», «государственная система». Говорить теперь можно все что угодно — о том, как приходили в храм, как уходили... С моей точки зрения, это несколько упрощенно. Конечно, протестные тенденции имели место, это совершенно естественно. Наверное, были люди, которые сделали это главной линией своей жизни, может быть, даже и формой существования. И в этом качестве вошли в историю. Думаю, не стоит и преуменьшать значение этой протестной стихии. Но вряд ли сам по себе протест может стать смыслом жизни. Внутреннее состояние людей в то время я бы, по большей части, все же характеризовал иначе. Работали, переживали повседневные трудности и проблемы — просто жили. Были и революционеры, и антиреволюционеры — всем им надо отдать должное. Все были к чему-то устремлены, к чему-то большему... Их личное благо и интересы вступали в сложные отношения с объективными жизненными ситуациями, с Действительностью с большой буквы. Определенно, кто-то жил с ощущением, что глобальные перемены наступят, что они вероятны. А если вы меня, к примеру, спросите, предполагал ли я крушение советского строя? — Нет, не предполагал. Но у меня всегда было стремление изменить жизнь к лучшему — хотя бы на своем участке, там, где я трудился. Мне не свойственно состояние борьбы. Скорее, я определяю свою жизнь как послушание. Я никогда не искал себе работу, не добивался

ИМЕНА

Среди тех, с кем Андрей Золотов напрямую общался в творческой работе и жизни, а со многими и дружил (при всей обязывающей разнице в возрасте) были великие люди музыки, изобразительного искусства, театра, кинематографа, литературы, искусствознания, были священнослужители, деятели науки, государства и общества: композиторы Дмитрий Шостакович, Георгий Свиридов, Валерий Гаврилин; пианисты Генрих Нейгауз, Святослав Рихтер, Владимир Софроницкий; дирижер Евгений Мравинский, балерина Галина Уланова, певцы Нина Дорлиак, Зара Долуханова, Ирина Архипова, Иван Козловский, Александр Пирогов, Марк Рейзен, Борис Гмыря; хормейстер Александр Юрлов, актеры Борис Бабочкин, Олег Борисов, Иннокентий Смоктуновский, Олег Ефремов; художники Павел Корин, Мартирос Сарьян, Георгий Нисский, Михаил Аникушин, Андрей Мильников, Евсей Моисеенко, Борис Угаров, Симон Вирсаладзе; искусствоведы Александр Габричевский, Михаил Алпатов, Нина Дмитриева; кинорежиссеры Сергей Герасимов и Михаил Швейцер; писатели Леонид Леонов, Константин Паустовский, Иракий Андроников, Георгий Гачев, Чингиз Айтматов, Виктор Астафьев, Александр Солженицын; академики Академии наук СССР физик Евгений Фейнберг и экономист Николай Некрасов; выдающиеся мастера мировой культуры — театральные режиссеры Вальтер Фельзенштейн и Джорджо Стрелер, певцы Дитрих Фишер-Дискау и Лучано Паваротти, композиторы Бенджамин Бриттен, Пауль Хиндемит, Золтан Кодаи, пианист Артур Рубинштейн, дирижеры Леопольд Стоковский, Карло-Мария Джулини, Карл Бем, Герберт Караян; протоиереи Всеволод Шпиллер, протопреподобный Александр Киселев, Патриарх Алексий Второй... А еще — великий хореограф Юрий Григорович, художники Зураб Церетели, Дмитрий Жилинский, Таир Салахов, Андрей Тутунов, певцы Александр Ведерников, Елена Образцова, композиторы Роман Леденев, Владимир Рубин, пианист Николай Луганский, театральный режиссер Лев Додин, кинорежиссер Глеб Панфилов, актриса Инна Чурикова, актер, режиссер, государственный деятель Юрий Соломин, актер, режиссер, государственный деятель Николай Губенко, дипломат, историк, государственный деятель Валентин Фалин, писатель Валентин Распутин...

поста или положения — работал там, где был нужен. И это тоже нормально. Жизнь вообще очень проста.

— Вы упомянули послушание — а что именно Вы имели в виду? Кого слушаться, чтобы жизнь была вот так... проста?

— Я имел в виду послушание Господу Богу, да, в самом высоком смысле. Может быть, кто-то подумает, имею ли я право так говорить... Тогда скажу иначе — послушание естеству. Делай то, что органично для тебя, и настолько хорошо, насколько можешь. У Аполлона Григорьева была теория органической критики, а Белинский был человеком и художником иного склада, иного поэтического темперамента. Ну и что? И тот, и другой высочайше талантливы, с чертами гениальности...

Мне не свойственно состояние «борьбы». Скорее, я определяю свою жизнь как Послушание.

Как судить художника

— Вы говорили о высоком доверии к священнику в советское время. Сейчас целый ряд людей рассказывают о своем недоверии к «попам» и Церкви. Как Вы думаете, с чем это связано? Может, священники стали другими?

— Нужно уточнить: и в то время не всем священникам люди себяверяли. В этом смысле с тех пор мало что изменилось. А такие священники, как отец Всеволод Шпиллер, и сегодня несут в мир любовь и веру, укрепляют нас примером своего служения. Нельзя сказать, что у Церкви нет проблем с воспитанием будущих или уже состоявшихся пастырей. Проблемы, наверное, есть. Но основная причина недоверия и критики мне все же видится в другом — она в самих критикующих. Очень часто люди считают, что священник должен их «обслужить», оказать «религиозные услуги». Или же сказать что-то приятное вместо правды о том, что нужно изменить свою жизнь. А мы зачастую не хотим меняться. Отсюда — сотни поводов сказать, что в Церкви что-то не так, и поэтому нас там до поры до времени не будет. Кто-то опасается «клерикализации» общества... А мне кажется, что опасения — не только эти, вообще любые — нередко возникают на весьма зыбком грунте. Они характеризуют не столько ситуацию, сколько самого человека, который их высказывает. Опасения нередко — это повод ничего не делать. Легко отгородиться от жизненных реалий своими страхами и сомнениями и решить для себя, что все действия напрасны, лучше даже не начинать.

С Александром Солженициным и Андреем Вознесенским в Доме русского зарубежья. Фото 2000 г.

С Валентином Распутиным в день вручения ему литературной премии А. Солженицына. Фото 2000 г.

Генрих Нейгауз. Фото Виктора Ахломова, 1963

Со Святославом Рихтером

Фото Юлии Макавейчук

▲ *Награждение А. А. Золотова орденом преподобного Сергия Радонежского за труды в деле сохранения отечественного культурного наследия. Высокую награду по благословению Патриарха Кирилла вручает председатель Синодального информационного отдела В. Р. Легойда.*

А что касается разговоров про «попов, которым нельзя доверять»... Знаете, профессор Генрих Густавович Нейгауз, музыкант-мудрец, великий пианист и педагог, учитель Святослава Рихтера, однажды мне сказал: «Если хочешь понять что-то о человеке, например, о художнике, почитай, что он сказал о другом художнике — через это он обязательно расскажет о себе». Это очень точное наблюдение.

Пушкин говорил, что судить художника нужно по законам, им самим над собой поставленным. Может быть, сказав это, он вывел безусловный закон творческой деятельности и взаимоотношений людей, участвующих в этой деятельности. Если человек

Надо просто жить, оставаться самим собой, прощать. Не становиться чьим-то врагом. И поменьше должно быть нездоровой соревновательности.

что-то сделал, совершил, создал — постарайся его понять, исходя из его системы чувств и мыслей. Пойми, что он хотел сделать, на что это действие направлено и что из предполагаемого ему удалось. А не как созданное им отличается от того, что ты хотел увидеть.

Конечно, это идеальная формула... Но как легко мы срываемся на уровень «нравится — не нравится», не взяв на себя труд хотя бы попытаться понять замысел автора и итог его трудов.

Чехов, когда ехал на Сахалин, писал много писем своим близким. И в одном из них есть замечательные слова: «Хорош Божий свет. Одно только нехорошо — мы». Думаю, он имел в виду не то, что мы все плохи, а то, что есть совершенный Божий мир, и есть мы — такие, другие... — не очень, прямо скажем, совершенные. Но не всякий из нас готов за собой это признать.

Когда мой старший сын, Андрей Золотов, писал статью о недавно почившем митрополите Киевском Владимире, он приводил слова владыки о входе Господнем в Иерусалим: отчего Христос не был весел, когда смотрел, как народ встречает Его с ликованием? — Оттого, наверное, что понимал: эти же самые люди спустя несколько дней будут кричать: «Распни Его!» Не знаю, как применить это к сегодняшнему дню, но здесь заключена какая-то глубокая мудрость.

Планета «Золотов»

— **Вы много публикуетесь, работаете со СМИ уже несколько десятков лет. Как Вы считаете, в какую сторону движется наша профессия?**

— В журналистике стало много торгового момента. Деньги там, где есть высокие рейтинги, а высокие рейтинги проще всего получить с помощью скандалов, интриг, оголтелого крика и так далее. Журналисты сегодня зачастую действительно богатые люди. Я не хочу сказать, что они мало работают или что у них работа легкая — у каждого свои трудности. Но если желание заработать становится самым важным фактором в этой профессии — тут есть над чем задуматься. Это во-первых. А во-вторых, журналисты как-то очень быстро почувствовали себя четвертой властью. Казалось бы, это всего лишь образ! Но многими он был воспринят буквально. И ведь СМИ — действительно власть. Вот завтра Вы напишете про меня что-нибудь, и я буду остаток жизни оправдываться перед людьми. Велика вероятность, что кто-то из журналистов, искажая факты, что-то недопонял, не расслышал, но ведь факты необходимо проверять! А если искажение сделано намеренно? Таких примеров, к сожалению, немало. То ли это великомасштабное легкомыслие, то ли сознательное действие — значения уже не имеет. Очень большой соблазн, имея доступ к публичному ресурсу, сказать себе: что и как захочу — так и напишу. А внутреннее самоограничение — «я не буду об этом говорить, потому что могу нанести вред» — утеряно.

Я ловлю себя на мысли, что часто не верю сегодня журналистам. Парадокс в том, что я смотрю новости, я надеюсь, пока смотрю, что мне говорят правду, но выключаю телевизор — и не верю. Я понимаю, время такое — изменились не только журналисты, изменились действующие лица Времени...

— **А в чем Вы видите основные перемены?**

С Юрием Григоровичем

С Евгением Мравинским

С Лучано Паваротти

С Георгием Свиридовым

С Иваном Козловским

— Я хочу, чтобы Вы меня правильно поняли: у меня нет ностальгии по советскому прошлому, и я не апологет каких бы то ни было оградительных мер. Но я заметил: как только у нас появилась реальная возможность куда-то выехать, реализовывать себя в максимально широком поле — мы стали... более ограниченными внутренне. Ушла некоторая естественность существования. Возможно потому, что вокруг слишком много примеров иной жизни, и мы от этого начинаем суесться: а так ли я живу? а соответствую ли я всем параметрам успешности? Это неправильно.

Конечно, внешних ограничений, как в советское время, быть не должно. Но мы должны сами себя в чем-то определять, не разбрасываться собой. Поднимать свой уровень культуры. И конечно же, в нас должно быть больше сочувствия — ко всему! Я сознательно предлагаю это слово — сочувствие — писать вот так: «со-чувствие». Чтобы понимать его не как жалость, а как одновременное «чувствие».

— А Вы знаете, как этого достичь?

— Просто жить, оставаться самим собой, прощать. Не становиться чьим-то врагом. И поменьше должно быть нездоровой соревновательности. Знаете, знаменитый австрийский композитор Арнольд Шёнберг в свое время очень обиделся на Томаса Манна. Ему показалось, что в образе Леверкюна в «Докторе Фаустусе» великий писатель отчасти изобразил его. В Америке, находясь в эмиграции, они жили через забор друг от друга, и вот Шёнберг подбросил Манну письмо, в котором были такие слова: «Еще неизвестно, кто из нас чьим будет современником». Томас Манн ответил: «Вы хотите быть моим врагом? Будьте им. Я вашим не буду никогда»...

— Мудрый ответ... А можно к Вам последний вопрос, из совершенно другой сферы? Вашим именем названа планета. Как Вам живется с ощущением того, что в небе у Вас есть тезка?

— Для меня это очень дорого, и спасибо, что Вы мне об этом напомнили. Да, есть малая планета (астероид), названная моим именем. Это была удивительная история. Астроном из Крымской обсерватории Людмила Карачкина думала над тем, какие имена дать пяти открытым ею астероидам. Она очень любила музыку Свиридова, с которым на этой почве и познакомилась, и одну из ранее открытых ею малых планет она назвала его именем. И когда пришло время дать имена новым открытиям, она обратилась к Георгию Васильевичу за советом.

По словам Людмилы Георгиевны, Свиридов предложил ей пять имен, которые, с его точки зрения, могли бы стать подходящими кандидатами. Из ушедших им был назван Александр Александрович Юрлов, а из ныне здравствующих — Александр Филиппович Ведерников, Владимир Иванович Федосеев, Дмитрий Хворостовский и Андрей Золотов... Вот так я оказался в этой пятерке. Если честно, это очень приятно. Летает теперь где-то целая планета, хоть и малая... Шесть километров в диаметре!... ♠

Беседовала Алла Митрофанова
Фото из архива А. А. Золотова